

военный боевик

ПОБЕГ

ДЬЯВОЛЬСКИЙ ОСТРОВ

МАКСИМ ШАХОВ

Максим Шахов

Дьявольский остров

«ЭКСМО»

2013

Шахов М. А.

Дьявольский остров / М. А. Шахов — «Эксмо», 2013

Советско-финская война, зима 1939 года. На одном из островов Аландского архипелага финнами организован лагерь для пленных красноармейцев. Остров крохотный, вокруг ледяное Балтийское море, и побег практически невозможен. Но для жаждущих свободы не существует преград. Группа пленных советских офицеров разрабатывает дерзкий план побега. Им удастся вырваться из лагеря, захватить рыболовецкое судно и выйти в открытое море. Однако путь к свободе на этом только начинается: до фронта сотни морских миль, а на хвосте висят преследователи-надзиратели, которым приказано вернуть беглецов обратно в лагерь любой ценой...

© Шахов М. А., 2013

© Эксмо, 2013

Содержание

1	5
2	10
3	19
4	23
5	27
6	30
7	35
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Максим Шахов

Дьявольский остров

1

– Бистро! Бистро! – кричали на колонну военнопленных грозные охранники в серой военной форме. Они угрожали ударить штыком в бок каждому, кто хоть чуть-чуть замешкается.

Сапоги и промокшие валенки пленных мерно хлюпали в талом снегу, во все стороны разлетались тяжелые брызги.

– Стой! – раздалась команда.

Колонна остановилась перед спуском на узкий причал, собранный из бетонных плит.

Недалеко в море прозвучал резкий гудок.

Над Балтикой нависали свинцовые тучи. Моросил холодный дождь вперемешку с тяжелыми хлопьями снега. Порывы ветра серыми вихрями гнали их с моря на прибрежные валуны, скалы и каменную набережную. Землю покрывало влажное снежное одеяло, в котором лужи моментально проедали темные проплешины. Шпиль собора – уменьшенная копия шпиля питерского Исаакиевского собора – неожиданно появлялся из мрачных облаков и тут же скрывался в их клубках. Погода в Хельсинки была мерзкой, поэтому жители предпочитали сидеть по теплым квартирам, пить горячий чай или глинтвейн, а на улицу выходили только в случае крайней необходимости. Впрочем, для второй половины декабря такая погода на южном побережье Финляндии была обычным явлением.

Уже, наверное, тысячу проклятий этому дождю, мокрому снегу и пронизывающему ветру процедили сквозь зубы финские солдаты – усатые и бородатые мужики, вооруженные русскими трехлинейными винтовками Мосина со знаменитым четырехгранным штыком. Рана от него – это знал каждый военфельдшер – получалась не рваная, а «аккуратно» колотая, края сразу же стягивались, и возникало внутреннее кровотечение, еще более опасное, чем наружное. Винтовки Мосина оказались в Германии после Первой мировой войны в качестве трофеев, а в двадцатых годах немцы продали их финнам. Под конец 1939 года такое стрелковое оружие многими военными специалистами считалось уже устаревшим, но для пожилых финнов, призванных из запаса и служивших в роте охраны военнопленных, оно было вполне пригодным. По иронии судьбы, теперь эти русские винтовки были обращены против советских красноармейцев.

Советско-финская война, которую прозвали Зимней, уже длилась три недели. И плененные красноармейцы создали немалую проблему для правительства Финляндии. Оно явно не было готово к приему такого их количества. Взятых в плен советских солдат спешно отводили в тыл, а там распределяли по временным лагерям. Такой точкой распределения была одна из набережных Хельсинки.

Красноармейцы, в разодранной в клочья или простреленной форме, промокшие, голодные и уставшие от долгого перехода, дрожали от холода. Впрочем, совсем не сладко было и двум десяткам финских охранников. Ветер так и норовил сорвать с них головные уборы, бил колючим снегом прямо в лицо.

Маленький буксир с приподнятым носом медленно толкал к причалу небольшую баржу, с крутыми, ржавыми бортами. В нее, как догадались военнопленные, и планировали их погрузить.

– Не потопят ли? – тревожились бывалые красноармейцы. – Как беляки наших людей топили в Гражданскую войну на Волге.

– Да и мы беляков не щадили. Всех в баржу, а баржу на середину реки и потом на дно.

– Навряд ли, ведь финны тоже в плен к нашим попадают, – успокаивал себя и стоящих рядом щуплый человек. Казалось, его светло-голубые глаза всегда были чуть прищурены, вокруг них образовалась паутина неизгладимых морщин. У него был тонкий нос, тонкие бледные губы – лицо утомленного жизнью аристократа.

Ему было за сорок. Среднего роста. От пронизывающего холода он втягивал шею в поднятый воротник шинели, сутулился. Глядя на него, можно было подумать, что он намного старше своих лет. У него на петлицах сохранились знаки отличия – золотая чаша со змеей – эмблема военно-медицинского состава.

– Дьявол их знает, Альберт Валерьянович, – сплюнул стоявший рядом с «аристократом» крепкий малый в морском бушлате по имени Бронислав, – бормочут что-то на своем. Ни черта не разобрать. Язык ни на немецкий, ни на голландский не похож.

У краснофлотца из-под бескозырки торчал лихо закрученный с каштановым отливом чуб. Хоть мореман был чуть выше среднего роста, его можно было назвать здоровяком – сильные руки, широкие плечи. У него были карие живые глаза, чуть раскосые, выступающий подбородок, квадратные челюсти, мясистый нос и большой рот. Когда он зычным голосом выкрикивал ругательства – показывал крупные передние зубы.

– Финский – из отдельной группы языков, не родственной ни немецкому, ни русскому. Вот карелы бы их поняли, – объяснил военфельдшер.

– А вдруг они, черти рогатые, надумали изобразить крушение этой калоши? – волновался краснофлотец. – Зачем им столько лишних ртов кормить?

Баржа ударилась в причал бортовыми кранцами, которыми служили плетенные из троса мешки, набитые пробковой крошкой. Матросы бросили швартовые и положили трап.

Старший охраны что-то крикнул на финском. Группа конвоиров выстроилась в живой коридор, ведущий к трапу.

– Бегом! – скомандовал старший охраны на русском языке.

Один за другим военнопленные побежали на борт.

– Эй, военврач, смотри-ка, – сказал краснофлотец.

К причалу подошел мотобот. Из него выскочил крепкий офицер, оставив мотор включенным. Офицер быстрым шагом направился к старшему охраннику. В руке он держал кожаный портфель, скорее всего, со спешным донесением.

– Экстренный приказ, – прошептал краснофлотец... и вдруг резко произнес: – Вперед!

Он сам бросился к берегу, соскочил на причал и что есть духу помчался к мотоботу.

За ним побежал и Альберт Валерьянович. Как показалось ему самому, сделал он это чисто инстинктивно. Хотя, когда военфельдшер увидел человека с кожаным портфелем, у него тоже возникли нехорошие подозрения – а не инструкция ли это, разъясняющая, как надо поступить с военнопленными?

Альберт Валерьянович, не чуя собственных ног под собой, стучал каблуками армейских сапог по скользкому бетонному причалу.

– Стоять! – раздался сзади окрик.

Ближайший охранник вскинул трехлинейку, быстро прицелился в спину военфельдшера и нажал на курок. Но вместо выстрела раздался треск. Старая винтовка дала осечку.

Правда, военфельдшер этого не видел: ни он, ни краснофлотец не оборачивались.

Бах! Бах! – зазвучали выстрелы, словно далекий лай сторожевых собак. Это открыли огонь другие охранники. Красные всполохи отчетливо проступали сквозь бело-серую пелену снега. Одна пуля расщепила борт мотобота. Остальные улетели в море.

Солдаты, не переставая, угрожающе кричали.

Краснофлотец спрыгнул в мотобот и встал за штурвал. Как только деревянная посудина закачалась от того, что на нее заскочил Альберт Валерьянович, мореман дал полный ход.

Еще несколько пуль просвистели в считанных сантиметрах от беглецов – вести прицельный огонь, когда в глаза бьет ветер со снегом, оказалось не так уж просто. А тем временем краснофлотец уже выруливал на открытую акваторию.

– Там! – кивнул он.

Впереди в море вырисовывался длинный силуэт сухогруза, на синей трубе был изображен желтый крест – флаг королевства Швеции.

– Шведы держат нейтралитет! – прокричал сквозь дождь и снег краснофлотец, – они нас не выдадут!

– Только бы успеть добраться! – крикнул в ответ Альберт Валерьянович.

– Доберемся! Это близко.

Пули пронзали воздух у них над головами. И казалось, они сейчас доберутся до цели.

– Ложись! – проревел краснофлотец. – На дно! Быстрее!

– А ты?

Военфельдшер лег и замер.

– А я заговоренный! – резко выкрутил штурвал краснофлотец.

Очередная «стая» пуль пролетела мимо и прошла оловянно-серые волны Финского залива.

– А теперь держись, – Бронислав повернул мотобот в другую сторону.

Прямо перед ним из-за мола появился полицейский быстроходный катер. Из кабины торчал ствол карабина. Краснофлотец успел заметить сполох выстрела и резко выкрутил штурвал.

Пуля разбила стекло и прошла поднятый воротник бушлата около самой шеи Бронислава, но его самого, к счастью, не зацепила.

– Я же говорил, что я заговоренный... Меня цыганка в Питере заговорила. Пройдешь войну, шепчет прямо в ухо, только искупаешься, а вот пули тебя не тронут.

Теперь мотобот на полном ходу мчался к шведскому сухогрузу. За ним, набирая скорость, гнался полицейский катер. Из-за мола показался спешащий на подмогу полицейским катер береговой охраны. Он был больше, на носу у него торчала небольшая пушка.

– Внимание! Русские солдаты, остановитесь! – с сильным финским акцентом произнесли в громкоговоритель. – Остановитесь! Иначе мы будем стрелять на поражение!

В снежной кутерьме, что кружила над морем, все отчетливее начал вырисовываться высокий борт сухогруза.

– Врешь, не выстрелишь – рядом швед! – прорычал со сжатыми зубами Бронислав.

Он уже повел мотобот параллельным курсом к шведскому кораблю и дал сигнал шведским морякам. Их силуэты показались над штирбортом.

Финский полицейский катер взял резко вправо, пошел наперерез, и расстояние между ним и мотоботом беглецов начало резко сокращаться.

– Давай, старая лоханка! Давай! – Бронислав дал полный ход, полный возможный.

Мотобот натуженно ревел, прорывался сквозь беспокойные волны, подсакивал на них, а полицейский катер, словно нож, разрезал пенные гребни и неуклонно приближался.

Вдруг краснофлотец понял, что финский полицейский идет на таран.

– Полундра! – воскликнул Бронислав.

Мотоботу не хватало места для маневра и скорости, чтобы уйти.

Услышав крик краснофлотца, военфельдшер приподнялся – прямо перед собой он увидел железный нос катера.

– Быстро за борт!

Альберт Валерьянович в секунду вскочил и бултыхнулся в море. Уже барахтаясь под волнами, он попытался расстегнуть шинель. Холодная вода обожгла тело, а намокшая одежда моментально потащила его вниз. Неимоверными усилиями – отчаянными гребками рук и ног – военфельдшер стал подниматься к поверхности.

Бронислав нырнул в набегающую волну, когда затрещали борта мотобота – нос полицейского катера вонзился в хлипкую посудину, разрезая ее на две части.

Голова военфельдшера несколько раз показалась над уровнем моря. Русые волосы цветом почти сливались с пеной Балтийского моря. Он жадно глотал воздух – изо всех сил боролся с бушующей стихией.

Наконец, с борта полицейского катера ему бросили спасательный круг. Окоченевшими от ледяной воды руками, словно крюками, Альберт Валерьянович сумел зацепиться за леер – трос по бокам спасательного круга. Это его и спасло.

* * *

На берегу Альберта Валерьяновича бросили в местную кутузку, где приказали раздеться догола. Вместо одежды ему кинули какую-то бесцветную сухую тряпку, скорее всего половую. Альберт Валерьянович тщательно вытерся ею и стал растирать тело; не шутка – вода в Балтике в это время года всего на пару градусов выше нуля.

Вдруг открылась дверь, и в подсобку ворвались полицейские. В таком жалком виде – голого, босого, с набедренной повязкой из тряпки, военфельдшера погнали по холодной каменной лестнице в кабинет, поочередно подгоняя тумаками.

Там, в кабинете, за широким столом сидел тот самый офицер с мотобота, Альберт Валерьянович сразу узнал его. Рядом с офицером стояло несколько полицейских.

Увидев военфельдшера, офицер диким голосом заорал.

– Вы идиот, – перевел этот крик пожилой полицейский, наверное, служивший городовым в Гельсингфорсе еще при царе. – И мы вполне могли вас не спасать.

«Ну, да, конечно, могли не спасать, – подумал про себя Альберт Валерьянович, – и это на глазах у шведов, которым вы хотите продемонстрировать свою заботу о несчастных военнопленных...»

– Но, как видите, наш народ не желает зла даже своим врагам, понимая все тяготы войны, которой мы никак не хотели, – говорил офицер. – Вы военный врач, старший военфельдшер и, как никто, должны понимать это.

Альберту Валерьяновичу уже в самом начале плена попадались на глаза прокламации финнов о чуть ли не отеческой заботе, которую проявляет главнокомандующий финской армии Карл Густав Эмиль Маннергейм к военнопленным. И этот офицер, как понял Альберт Валерьянович, отвечает за пропаганду.

– Почему вы бежали? – вдруг спросил он.

– Из-за подозрения.

– Какого подозрения?

– Что вы потопите баржу с военнопленными, – честно признался Альберт Валерьянович.

Выслушав перевод, офицер что-то воскликнул. Полицейский замялся, подбирая нужное слово, а затем произнес:

– Дикость.

– Я надеюсь, что вы оцените то, что мы вас спасли, и разъясните своим, что мы обороняемся и вовсе не желаем зла простым советским людям. Подпишите, – офицер положил перед военврачом Красной армии на стол какую-то бумагу.

– Вы предлагаете сотрудничество? – не читая, спросил Альберт Валерьянович.

– Нет. Содействие.

– Я не могу это подписать, но могу дать слово, что постараюсь донести своим товарищам доброжелательную позицию финского правительства относительно военнопленных, – уверил старший военфельдшер.

Офицер обвел взглядом худощавую фигуру Альберта Валерьяновича – голый, дрожащий от холода, тот держался гордо, с необыкновенным достоинством.

– Хорошо, я вам поверю, но учтите, я вас отошлю туда, откуда сбежать невозможно.

– А где Бронислав?

– Какой Бронислав? – переспросил офицер.

– Мой товарищ, с которым мы хотели бежать.

– На дне, – сказал офицер.

Альберт Валерьянович, глядя в лицо финну, не смог понять, говорит он правду или нет.

– Пошли, – сказал бывший городской.

Альберта Валерьяновича отвели назад в кутузку, забрав его мокрую одежду.

– Отнесем в сушилку, завтра вернем, а пока вам принесут одеяло, – проворчал конвоир. Он запер военфельдшера, оставив его в полной темноте.

* * *

И все-таки финский офицер обманул. Вечером в кутузку бросили голого и избитого Бронислава. Его спасли моряки финской береговой охраны. Вначале избили, затем дали глотнуть водки, узнав, что он коллега – моряк, а потом сдали тому же самому офицеру. Ничего подписывать Бронислав не стал, за что получил еще зуботычин и палок.

Через день под конвоем полицейских, в сопровождении того самого офицера Альберта Валерьяновича и Бронислава отправили в дальний лагерь на Аландские острова.

2

Старший военфельдшер Красной Армии Альберт Валерьянович Шпильковский открыл глаза. Все вокруг него грохотало и дрожало. Первым делом подумал, что начался артобстрел. Он приподнял голову – где-то совсем рядом отчаянно кричала женщина, а какой-то мужчина громко говорил что-то на совершенно непонятном Шпильковскому языке.

Его деревянные нары нещадно трясли. «Слава богу, не бомбежка и не обстрел...» Он потянулся, расправил плечи...

Однако трясти нары не переставали, а наоборот даже, усилили амплитуду и заорали еще громче.

«Сейчас Хомутарь сверху свалится и шею себе свернет», – представил Альберт Валерьянович и зевнул.

Мужик, в униформе мышиного цвета, из-под фуражки которого выбивалась седая прядь, перестал трясти стойку двухуровневых деревянных нар и бесцеремонно сорвал с военфельдшера шинель, служившую ему одеялом. Затем он яростно замахал руками, мол, вставай, одевайся. Альберт Валерьянович неторопливо сел на край нар, еще раз широко зевнул, закрыв тыльной стороной ладони рот, и тут же получил увесистый шлепок тяжелой лапой по спине, что означало – не расслаживайся, а быстрее одевайся.

Старший военфельдшер протянул руку за своим галифе болотного цвета, аккуратно сложенным на грубо сколоченной табуретке рядом с нарами. Мужик в униформе что-то резко буркнул в сторону женщины. Та закрыла лицо руками, чтобы не видеть, как Альберт Валерьянович одевается, и завывала чуть глуше.

Шпильковский понял, что у этой женщины произошло нечто из ряда вон выходящее, раз его подняли прямо посреди ночи – вероятнее всего, нужна его профессиональная помощь.

Звание старшего военфельдшера соответствовало званию старшего лейтенанта сухопутных и воздушных сил Рабоче-Крестьянской Красной Армии. И хотя Шпильковскому было сорок пять, в Первую мировую он, уже будучи молодым доктором, спасал раненых в лазаретах русской армии. После революции Альберт Валерьянович остался военврачом, но по службе смог дорасти только до старшего военфельдшера. Правда, он работал в Гатчине, в армейском госпитале, и форму носил только для проформы. Все было как в обыкновенной клинике, вот только пациенты – военные.

Подниматься по служебной лестнице Шпильковскому мешало происхождение – он был из семьи земского врача, а врач, понятное дело, не принадлежал к пролетариату. Да и имя – Альберт – армейским чиновникам казалось уж больно буржуазным, а фамилия и вовсе подозрительной.

– Иду, – сказал старший военфельдшер, он протер заспанные глаза и уже быстро, по старой армейской привычке, оделся.

Мужик в униформе провел Шпильковского из недавно сколоченного барака, который все еще пах сырым деревом, на улицу, где лежал свежий снег. За мужчинами, всхлипывая и вздрагивая всем телом, засеменила женщина. Альберт Валерьянович украдкой глянул на нее. На вид ей было лет тридцать пять – сорок. У нее было круглое с ярко-розовыми щеками лицо, большие голубые глаза, светлые волосы, которые она укрывала шерстяным платком. Платок придерживала руками, грубыми, красными. Это свидетельствовало о том, что ее руки привыкли работать на холоде, скорее всего, в холодной воде. «Рыбачка», – предположил военфельдшер.

По протоптанной в снегу тропинке мужчины и женщина прошли к замку. Известный еще со Средневековья, он и сейчас выглядел строгим и довольно грозным: массивные каменные стены, устремляющиеся далеко ввысь остроконечные башни. Убыстряя шаг, мужик в униформе двинулся вдоль стены, и, наконец, все трое оказались около массивной и низкой

двери кирпичной пристройки. Все окна этого сооружения были узкими и зарешеченными, а из одного струился бледный свет.

Мужик жестом показал, куда идти, и открыл чрезвычайно скрипучую, обитую железом дощатую дверь. Рукой он показал – мол, давай, заходи сюда.

Через нее в пристройку можно было войти, только согнувшись почти пополам. Шпильковский понял: от него хотят, чтобы он вошел первым. Военфельдшер отвесил поклон и очутился в коридоре, тускло освещенном электрическим светом. По его сторонам виднелись четыре двери и дверь в конце коридора. Именно туда мужик в униформе повел Шпильковского и рыдающую женщину.

В пристройке к замку находилось не то карантинное помещение, не то местный лазарет. Двери и стены там были выкрашены белой краской, а в главном кабинете в конце коридора, – первое, что бросилось в глаза фельдшеру, – стоял медицинский шкафчик времен Российской империи и сейф той же эпохи для хранения спирта, – точно такой же находился в приемном кабинете у отца Шпильковского. Ведь мужики, которых Валерьян Анатольевич лечил в Вятском крае, славились своей суровостью и были охочие на выпивку. В таком сейфе у отца еще хранился морфий, хотя земским врачам его не выдавали, отец умел доставать его полулегальным способом, потому что спирт все-таки менее действенное обезболивающее, чем морфий. Многие лекарства помогали закупать местные купцы. Помощь медицине они считали делом достойным и охотно сами навещали отца, чтобы вручить ему пачку ассигнаций.

– Ты, Валерьян, – говорил богатый торговец мехами, – если будешь давать эти лекарства жене генерал-губернатора, намекни, что купил его на средства купца Соковнина.

– Конечно, конечно, Степан Андреевич, – улыбался отец.

Эти картины из прошлого, казавшегося теперь уже недостижимо далеким, пронеслись перед взором Шпильковского... А вот и свидетельства нового времени – на стене в массивной золоченой раме висел портрет сурового человека с усами, бровями «домиком» и пронзительным взглядом. Это был верховный главнокомандующий Финляндии Карл Густав Эмиль Маннергейм, бывший генерал-лейтенант русской армии. На противоположной стене находилась физическая карта Аландских островов со всеми, даже самыми крохотными населенными пунктами. Островов в архипелаге – тысячи. Это самое большое скопление островов на Земле, поэтому карта очень напоминала изображение далекой неправильной галактики.

Под картой стоял младший офицер с деревянной кобурой на боку, явно призванный из запаса – рыжие с сединой усы и борода, глаза, обрамленные паутиной морщин, и красный нос с шелушащейся кожей свидетельствовали, что человек уже прожил половину своей жизни, в течение которой не упускал случая для обильного возлияния.

На столе перед офицером стояла миска с водой, он смачивал в ней кусок марлевой ткани и прикладывал ко лбу мальчика, который лежал на железной кушетке под портретом Маннергейма. Шпильковский понял, что именно ради этого подростка, которому на вид можно было дать лет тринадцать-четырнадцать, его разбудили среди ночи и привели сюда, в убогую местную санчасть. Мальчик был чрезвычайно бледен, осунувшийся, он лежал без сознания с закрытыми глазами.

Старший военфельдшер быстро подошел к больному, осмотрел его, прикоснулся ладонью ко лбу. У подростка была повышенная температура, но, как отметил про себя Шпильковский, она не была угрожающе высокой. Военфельдшер проверил пульс мальчика. Пульс прощупывался неплохо, хотя и не очень отчетливо, и казался учащенным. Молодой организм явно сопротивлялся пока еще неизвестной Шпильковскому болезни. В шкафчике военфельдшер поискал нашатырь, но его не оказалось, правда, там он нашел флакон с нюхательными солями. Альберт Валерьянович откупорил его – запах был довольно резкий, но не очень сильный. Военфельдшер поднес открытый флакон к носу подростка, однако это не подействовало.

Тогда Шпильковский похлопал мальчика по щекам, никакого эффекта это не дало – только еще громче зарыдала женщина.

– Тихо, тихо... Попрошу без нервов, – проговорил скорей себе, чем ей, Шпильковский.

В шкафчике он заметил стародавний стетоскоп – деревянную трубку с небольшими рас-трубами на концах, быстро задрал на больном холщовую рубаху, приложил к его груди стетоскоп. Внимательно прослушал дыхание. Легкие были чистыми.

– Ну, и что же случилось с этим молодым человеком? – спросил Альберт Валерьянович, привычно подняв брови.

Никто в кабинете его вопрос не понял. Тогда военфельдшер попытался объяснить жестами, показал руками на лицо, грудь, живот мальчика, мол, где у него что болело. Женщина вроде догадалась, о чем спрашивал медик, схватила себя за горло, высунула язык, замотала головой и снова сильно завывала.

– Что вы говорите, горло болело? – нахмурился Шпильковский, – или, черт побери, он хотел повеситься?

Альберт Валерьянович еще раз глянул на шею подростка – характерных ран от веревки не наблюдалось.

– И что же с его горлом?

Мужик, который привел медика в эту санчасть, начал что-то говорить по-своему и при этом тормозить женщину, та зарыдала еще отчаянней.

Альберт Валерьянович видел, что взаимопонимания не было совершенно никакого.

Мужик отошел от женщины и что-то сказал приказным тоном рыжебородому офицеру. В ответ тот смешно козырнул, приложив ладонь к натянутой на самые брови пилотке, и, пере-валиваясь с ноги на ногу, быстрым шагом вышел в коридор.

Буквально через пару минут скрипнула дверь, раздались отрывистые слова. Затем рыжебородый, угрожая револьвером, привел в смотровой кабинет странного вида красноармейца. Шинель – рваная, без нашивок, вместо галифе – растянутые шерстяные штаны серого цвета, на одной ноге финский сапог пьекс с загнутыми носами для лыж, на другой – черный дамский сапог большого размера с отломанным каблуком.

– Здравия желаю, – сказал красноармеец, обращаясь к Шпильковскому.

Военфельдшер оторвал взгляд от больного и поднял глаза на вошедших.

– Здравия желаю! – ответил Альберт Валерьянович, с любопытством разглядывая красноармейца.

– Батальонный комиссар Самуил Стайнкукер.

– Старший военфельдшер Альберт Шпильковский...

Мужик в униформе мышинного цвета резким возгласом прервал взаимное представление командиров Рабоче-Крестьянской Красной Армии.

– Он хочет, чтобы я переводил, – произнес Стайнкукер.

– Если вы понимаете этот дикий диалект, то милости просим, – проговорил старший военфельдшер. – Моего знания немецкого совершенно недостаточно, чтобы уловить хоть слово из этого перекрученного шведского.

– Ну, моя специализация – скандинавские языки, и я поймал себя на мысли, что скорее понимаю этих людей, чем нет, – усмехнулся Стайнкукер.

– Что с мальчиком произошло? – спросил Шпильковский у мужика и женщины.

Батальонный комиссар перевел вопрос.

Женщина перестала рыдать и затараторила.

– Не могли бы вы говорить помедленнее? – на шведском языке попросил Стайнкукер.

Женщина, сильно сжав руки в замок, начала рассказывать.

Батальонный комиссар внимательно ее выслушал.

– Это Ульрика – сестра коменданта, – начал Стайнкукер и кивком головы показал на мужика в униформе мышиного цвета. – Сегодня вечером Готтфрид, – так зовут пацана, – пришел домой поздно, она заметила, что мальчик очень слаб и бледен. Ульрика спросила, что с ним, а он ответил, что очень сухо во рту и сильно хочется пить. Готтфрид побежал на кухню, попил из чайника горячей воды, пошел назад в комнату и вдруг упал.

– Попил горячей воды и упал? – задумался Альберт Валерьянович. – Может, отравление? А Ульрика сама пила из этого чайника?

Стайнкукер перевел слова Шпильковского.

– Да, она пила, и с ней ничего не произошло, и своему мужу она тоже заваривала чай этой водой, и ничего.

– Нам надо открыть ему рот и посмотреть язык. Ты держи ему голову.

Со второй попытки Шпильковский сумел разомкнуть челюсти подростка, находящегося без сознания, и заглянул ему в рот.

– Мне нужен фонарь, есть ли у кого-нибудь фонарь?

Комендант принес переносной фонарик «летучая мышь» и передал военфельдшеру.

Шпильковский осветил ротовую полость подростка. Язык молодого пациента казался белесо-серого цвета.

– Так, язык густо обложен, – отметил военфельдшер. – Здесь есть медицинский термометр?

Рыжебородый офицер достал из шкафа ртутный градусник в металлическом футляре, на котором стоял год изготовления «1899» и была выгравирована Эйфелева башня с надписью «dix annees».

– Красивая вещица, – сощурил свои черные глаза Стайнкукер.

– Прошлого века, французская, – военфельдшер вставил подростку термометр под левую подмышку, – скажите, офицеру, чтобы он хорошо держал его руку.

Стайнкукер перевел. Рыжебородый тут же исполнил команду.

– Голубушка, а вашего сына не рвало? – Шпильковский обратился к Ульрике.

– Говорит, что когда Готтфрид пришел с пирса на обед, он жаловался на боль в животе. И еще отказался есть. Только попил бульона и сразу же ушел, даже не взял хлеба, – переводил батальонный комиссар.

– А где у него болел живот?

Шпильковский провел ладонью по животу мальчика, прощупывая возможные вздутия или уплотнения. Подросток оставался без сознания и никак не реагировал на манипуляции врача.

Ульрика остановила руку военфельдшера в области желудка мальчика.

– У него раньше случались желудочные боли? – спросил Альберт Валерьянович.

– Говорит, что пару лет назад у него тоже болел живот, но тогда все обошлось.

– Дайте мне термометр – сказал военфельдшер.

На градуснике ртутный столбик остановился на отметке: 37.4.

– А теперь, пожалуйста, скажите офицеру, чтобы он точно так же плотно подержал его правую руку, – военфельдшер вставил градусник под правую подмышку.

– А что, разве у другой половины тела может быть другая температура? – язвительно ухмыльнулся Стайнкукер.

– Я прошу вас не комментировать мои действия, я же не спрашиваю у вас, каким образом вы выявляли шведских или норвежских шпионов в нашей доблестной Красной Армии.

– Рабоче-Крестьянской Красной Армии, – поправил батальонный комиссар.

Шпильковский пропустил мимо ушей это замечание. Альберт Валерьянович начал методично ощупывать правую подвздошную область, придавливая мышцы пальцами.

– Вот так и выявляли шпионов, на ощупь, – хмыкнул Стайнкукер.

– Прошу вас мне не мешать, – возмутился военфельдшер, все больше и больше морща свой и так морщинистый лоб.

В кабинете возникла напряженная тишина, даже Ульрика перестала рыдать, она внимательно смотрела на тонкие интеллигентные пальцы Альберта Валерьяновича.

– Ну-ка, градусник, – сказал Шпильковский.

Рыжебородый выполнил требование, и военфельдшер вслух произнес:

– Я так и знал – тридцать семь и пять. Быстрее! Теперь как можно быстрее. Мне нужен спирт, эфир или хлороформ и хирургические инструменты.

Стайнкукер перевел, но слова Альберта Валерьяновича вызвали одно только недоумение у младшего офицера и коменданта.

– Объясните им, что это флегмонозный аппендицит, который в любой момент может перейти в гангренозный. И если не сделать вовремя операцию по удалению червеобразного отростка, то острый аппендицит перейдет в стадию перфоративного. Тогда мальчику уже никакая операция не поможет.

– Ясно, – проговорил Стайнкукер и произнес по-шведски всего два слова.

Ульрика завyla как никогда раньше, комендант побагровел и что-то резко крикнул, и офицер пулей выбежал из кабинета.

– Что-то у вас очень короткий перевод получился, – удивился Альберт Валерьянович.

– Знаете, я таких слов, которые вы мне наговорили, и по-русски-то не знаю. Я сказал им – надо резать, иначе он умрет.

– А куда рыжебородый убежал?

– Начальник, то есть комендант, приказал своему помощнику бежать к ветеринару, а тот живет в центре острова. У него могут быть инструменты, и все прочее.

– Черт, я же не могу долго ждать, – посетовал Альберт Валерьянович.

* * *

– Пока у нас есть время на перекур, – сказал Стайнкукер.

– Я не курю, – пробурчал Шпильковский, – и вам не советую, у вас и так уже дыхание тяжелое.

– Это все от здешнего климата. А вот курить, наоборот, полезно. Легкие согревает, – снова оскалился в своей язвительной улыбке Стайнкукер, – в условиях лагеря курение помогает заводить полезные знакомства. Вот, например, угостил папироской или сам угостился, глядишь, и уже с человечком словом перемолвился. Если погнали на тяжелую работу, то пару минуток на перекур каждый охранник разрешит. А тот, кто не курит, тот пускай и дальше надрывается, здоровье свое гробит. Так что в некоторых ситуациях курево выручает.

– Иезуитские у вас рассуждения, молодой человек, – сказал Альберт Валерьянович.

– Ну да, я много повидал в жизни, вернее, чужих жизней у самой их кромки... То бишь у стенки, – неприятным тоном проговорил комиссар.

– Сам, видимо, подводил людей к ней? – резким тоном спросил военфельдшер.

– Было... Все было. – Стайнкукер обернулся к коменданту и по-шведски попросил вывести их покурить.

Тот понимающе кивнул, пробурчал своей сестре, чтобы она осталась с мальчиком.

На улице комендант достал из кармана пачку немецких папирос и предложил русским пленным.

Альберт Валерьянович отказался, он не курил, а вот Стайнкукер взял две папироски, как говорится, «себе и своему товарищу». Одну папироску спрятал в карман шинели. Комендант чиркнул бензиновой зажигалкой.

– Спасибо, – по-шведски поблагодарил Стайнкукер, затаился, задержал дыхание и с шумом выдохнул дым.

Шпильковский отошел от него подальше. Он смотрел на звездное небо, на белую, словно череп, луну, пробивавшуюся сквозь облака, на берег моря, видневшийся впереди, на прибрежный лед и барашки волн вдаль.

– Хорошо? – не то спросил, не то утвердительно произнес Стайнкукер. – А когда-то это была российская земля, – он выпустил клуб дыма, – столица Аландских островов – Мариехамн – гавань Марии. Названа в честь супруги императора России Александра II – Марии Александровны.

– Чего-то вы так восторженно рассказываете? – не приветливо произнес Шпильковский. – Ведь вы же ненавидите императоров, царей, королей. А независимость Финляндии, между прочим, дал товарищ Ленин.

– Ничего, скоро эта земля опять будет нашей... Не смогут же белофинны устоять против доблестной Рабоче-Крестьянской Красной Армии, – последние слова Стайнкукер произнес с едва заметной тревогой в голосе.

– Знаете, – после затянувшейся паузы проговорил Альберт Валерьянович, – курите где-нибудь подальше от меня. Пассивное курение тоже сокращает жизнь.

– Нашу жизнь и так укоротят, – неприятно засмеялся Стайнкукер, – финны скоро лапки над головой подымут, сложат оружие, а нас выдадут на родину. Только там мы не герои, а предатели. СССР не подписал Женевскую конвенцию об обращении с военнопленными, потому что боец Красной Армии не должен сдаваться в плен, последний патрон он должен приберегать для себя, – Стайнкукер бросил окурки на землю.

Комендант тут же резко что-то произнес, и батальонному комиссару пришлось поднять окурки и положить его в карман.

– На родине нас ждет лагерь похуже этого. А может быть, и та пуля, которую мы с вами не пустили себе в лоб... Хотя Финляндия также не подписала Женевскую конвенцию, однако Маннергейм заявил, что все ее положения финны будут соблюдать и даже постараются создать хорошие условия для военнопленных. Это чтобы русские сами сдавались.

– Что-то подобное я читал в местной стенгазете, которая называется «Друг пленного», – сказал Альберт Валерьянович.

– Ну да, это же я все писал, рисовал и клеил.

– То есть вы и тут работаете по специальности?

– Приходится, – признался Стайнкукер. – Я для себя уже решил – надо любым способом оставаться здесь, на Западе, лучше – в Швеции. Светлое будущее в Советском Союзе уже будут строить без нас. Да и у финнов в лагере – лафа, работаешь, если хочешь, в местном коровнике. А дома нас ждет лесоповал до полного изнеможения.

– А чего это у вас такой странный вид? – поинтересовался Шпильковский. – И в бараке я вас не видел.

– Я свои сапоги в болоте утопил. Меня финны вытянули уже без них, ну вот и дали, может быть, ради смеха, – батальонный комиссар посмотрел на женский сапог без каблука, надетый на его правую ногу. – Комендант обещал достать другую обувь, если не буду нарушать дисциплину. А так меня держат отдельно. Они вообще не понимают, кто такие комиссары. То ли попы, то ли надсмотрщики, которые могут даже стрелять в командиров. Поэтому комиссаров держат отдельно от остальных пленных.

– Ну а вы кто? Поп или...

– Я должен был работать с захваченными буржуазными добровольцами. Одурманенные финской пропагандой шведы, датчане, норвежцы прибывали на помощь белофиннам. Ну, вот с такими пленными мне нужно было и работать. И наши трусы попадались на удочку финской

пропаганде... – Стайнкукер докурил вторую папиросу, посмотрел на коменданта, заискивающе улыбнулся и снова спрятал окурки в карман шинели.

– Сейчас попросимся на чай, – сказал он и тут же затараторил по-шведски.

Комендант кивнул головой, провел военнопленных в свой кабинет. Там он поставил на стол спиртовой самовар с витиеватой надписью на кириллице «Бр. Шемарины».

– Ого, – подмигнул Стайнкукер Шпильковскому, – это же надо, сжигать спирт, чтобы подогреть воду... Смотреть больно. Давайте попросим граммов по сто этого горючего?

– Пожалуйста, не паясничайте, мне еще предстоит серьезная операция... – урезонил его Альберт Валерьянович. – Между прочим, это русский самовар, так что в императорской России тоже сжигали спирт, чтобы подогреть чай. А на островах, где дефицит дерева, такой самовар вполне уместен.

Комендант – пожилой, но бодрый человек, которому было явно за шестьдесят, показал на два старинных стула возле массивного стола, достал из шкафчика два куска сахара, дал каждому военнопленному, разлил в железные кружки настоящий английский чай.

Стайнкукер с шумом подул в свою кружку, чтобы немного остудить напиток, сделал глоток, отгрыз уголок от куска сахара. От теплого чая батальонный комиссар осоловел и вскоре начал клевать носом.

– Леннарт, – сказал комендант, показывая на себя, – Хольмквист.

– Альберт Валерьянович Шпильковский, – представился военфельдшер. – Мы, пленные, конечно же, знаем, как зовут начальника лагеря, – военфельдшер ткнул локтем Стайнкукера, чтобы тот перевел. – Но вот так близко вижу вас впервые.

– Он говорит, что, конечно же, знает имя своего начальника... – начал по-шведски батальонный комиссар.

– Йа! – проговорил комендант, достал из ящика стола журнал, открыл его, провел по списку имен указательным пальцем и на свой манер прочитал, – Альберт Шпылековескы. Браа... Корошо.

– Да... только вот ваш малый плох. Дайн зон ист нихт гут, – военфельдшер перевел на немецкий свои слова, и ему показалось, что комендант его понял.

В коридоре слышались шаги. В кабинет коменданта вошли рыжебородый офицер и седой сгорбленный старик лет под семьдесят. В руке у старика был саквояж.

– Кристофер Андерссон, – представился он и протянул сухонькую руку военфельдшеру.

– Альберт Шпильковский. – Старший военфельдшер РККА пожал руку ветеринару, – Готтфриду необходима срочная операция, апендэктомия. У мальчика острый аппендицит, – сказал он по-немецки.

– Их ферштэе... Шнеля, – кивнул головой ветеринар.

Все двинулись в смотровой кабинет, где остался лежать мальчик.

Тот по-прежнему не приходил в сознание. Его мать, увидев входящих мужчин, снова отчаянно зарыдала.

– Пожалуйста, попросите, чтобы они организовали хорошее освещение, – сказал Шпильковский Стайнкукеру.

Тот перевел, и рыжебородый выбежал из смотрового кабинета. Вскоре он вернулся, держа в руках большой фонарь.

– Вешайте его над столом, – приказным тоном сказал военфельдшер, – и быстрее.

Когда освещение было, наконец, установлено, ветеринар раскрыл свой саквояж, достал металлический ящичек для хирургического инструмента. Все было на месте – скальпели, зажимы, пинцеты, ножницы, шприцы, иглы, ранорасширители, похожие на вилочки. Правда, инструмент был больше по размерам и тяжелее обычного... В специальном отделении саквояжа находились нитки, перчатки, стерильная вата, марля.

– Я в основном специализируюсь по домашним животным, – произнес по-немецки Андерссон, увидев, как военфельдшер оценивает его хирургический набор.

– Все в таком отличном состоянии. А есть эфир или хлороформ? – спросил Альберт Валерьянович.

– Хлороформ. Вот в той бутылочке, – указал ветеринар на пузырек.

Шпильковский надел марлевую повязку, резиновые перчатки, то же самое сделал и ветеринар – он и без просьб военфельдшера догадался, что его задача – ассистировать доктору при операции.

– Попрошу никому к столу не приближаться, даже не дышать в эту сторону, не делать резких движений и не рыдать, – последние слова Шпильковский адресовал Ульрике.

Стайнкукер перевел, и сестра коменданта сразу же перестала всхлипывать.

Шпильковский хорошенько протер спиртом правую подвздошную область мальчика, аккуратно прощупал, нарисовал специальным карандашом крест.

Затем дал подышать мальчику хлороформом, после этого взял предложенный Андерссоном скальпель и сделал аккуратный надрез. Ветеринар тут же подал коллеге вилочки-ранорасширители.

Операция длилась минут десять, не больше, – благо червеобразный отросток у мальчика находился в обычном положении.

Когда Шпильковский отрезал аппендикс и передал его Андерссону, чтобы тот бросил его в металлическую ванночку, матери мальчика стало плохо. Ее успел поддержать комендант, подсунув под нос флакон с нюхательной солью. Ульрика встрепенулась, затем глубоко вдохнула. Правда, Альберт Валерьянович всего этого не видел, он в это время зашивал рану.

– Всё... Теперь жить будет, – наконец сказал он, вытерев пот со лба.

Однако его слова никто не перевел. Военфельдшер обернулся – Стайнкукер стоял не бледный, а зеленый.

– Дайте понюхать соли комиссару, – Шпильковский сказал по-немецки, а ветеринар повторил это по-шведски.

Рыжебородый офицер подошел к Стайнкукеру, хлопнул того по щекам, дал понюхать соли. Лицо батальонного комиссара порозовело.

– Черт, я ни разу не присутствовал на операциях...

– Да, это тебе не языком чесать, – проговорил Шпильковский, – господин Андерссон, вы расскажите госпоже Ульрике и господину Леннарту, как теперь нужно ухаживать за мальчиком.

– Я-я, – согласился ветеринар.

Шпильковский снял повязку и перчатки, улыбнулся коменданту, мол, операция – это сущий пустяк.

– Сторт так, – сказал комендант, – сторт так.

– Большое спасибо, – перевел Стайнкукер, – он тебе очень благодарен.

Леннарт Хольмквист пожал руку военфельдшеру, а затем к Шпильковскому подошла его сестра. Ульрика протянула ему небольшой сверток.

– Сторт так, – сказала она, – матен... ер смакрик.

– Большое спасибо, здесь немного еды. Очень вкусно, – проговорил батальонный комиссар.

– Спасибо вам. Сторт так, – теперь уже сказал Шпильковский и взял сверток.

Комендант произнес еще несколько слов.

– Спрашивает, что он может для тебя еще сделать? – перевел вопрос Стайнкукер.

– А что он может сделать? Да ничего... – улыбнулся Альберт Валерьянович.

– Дурак, давай хоть выпьем, чтобы заснуть можно было, – засуетился комиссар.

– Что, нервы пошаливают?

– Да после такого...

– Ладно, давайте выпьем за здоровье мальчика и спать... – согласился военфельдшер. Стайнкукер перевел это предложение.

Мужчины засмеялись... Ульрика приложила палец к губам...

Ветеринар и мать мальчика остались с больным, четверо мужчин отправились в кабинет коменданта.

Теперь спирт не служил горючим для кипячения воды, а использовался для непосредственного «разогрева» крови. Шпильковский хотел для закуски предложить продукты, которые ему дала сестра коменданта, но Леннарт Хольмквист жестом остановил его, мол, это твое, и сам достал из шкафчика хлеб, тарелку с холодной телятиной и вареной картошкой.

Под утро сам комендант и его рыжебородый помощник отвели батальонного комиссара в его камеру, а военфельдшера – в общий барак.

3

Не бывает войны без пленных, и этих пленных всегда надо где-то содержать. Вот и с началом советско-финской войны – с 30 ноября 1939 года – стали появляться первые советские военнопленные. И их оказалось гораздо больше, чем ожидало финское правительство. Для взятых в плен красноармейцев наспех создавались лагеря в западных частях страны, подальше от линии фронта. Как раз один такой временный лагерь и был организован на Аландских островах.

Он был небольшой, и привозили сюда только представителей комсостава РККА. К концу января 1940 года тут насчитывалось чуть менее ста человек. Условия были довольно сносные – Маннергейм держал слово.

В недавно сколоченном бараке вокруг печки-«буржуйки» по периметру стояли двуспальные деревянные нары – военнопленные спали ногами к печке, головой к стенам с узкими в одну доску решетчатыми окнами.

Этот барак построили рядом со старинным замком, подземелья которого некогда были местом заключения государственных преступников. Теперь замок был необитаем, а вот тюрьма «переехала» в пристройку к замку. Эта тюрьма была небольшая – на десяток человек. На Аландских островах показатель преступности стремился к нулю, и бывало, что сидельцев вообще не было. Сама пристройка служила и домом для коменданта, только вход был с другой стороны.

Теперь кусок земли около стены замка отгородили трехметровым забором с колючей проволокой, на самой стене поставили часовых и прожекторы. Тюремный хозблок и баню подготавливали для нужд лагеря. Военнопленные не работали, но островитяне нередко брали их для домашних работ за продукты, курево, бывало, и за рюмку водки. Красных командиров отправляли к «хозяевам» – пилить дрова, таскать тяжести, подправить коровник или копильню. Многие военнопленные, особенно те, кто был из крестьян, с охотой соглашались на «трудовой фронт», все лучше, чем просто сидеть в четырех стенах. Да и лагерная пайка многим казалась маловатой. Война для маленькой Финляндии, которая дерзнула сопротивляться колоссальному Советскому Союзу, стоила невероятных экономических затрат.

На помощь коменданту Леннарту Хольмквисту для охраны лагеря вызвали резервистов – несколько десятков немолодых шведов и говорящих по-шведски финнов, да еще отставных полицейских, которых призвали на службу. Все они считались «добровольцами» и служили в «частной охране», а не в регулярной армии. Для них в замке оборудовали специальное жилое помещение – также поставили «буржуйку» и нары, одноярусные.

«Буржуйки» топили углем, который привозили кораблями с материка. Военнопленные придумали обкладывать печку камнями, чтобы они аккумулировали тепло. Но если ветер был сильный, барак все равно выдувало. Поэтому военнопленные постоянно ходили в шинелях...

– Нашего лепилу ночью куда-то водили, теперь отсыпается, – сказал конопатый и долговязый парень, по виду лет двадцати пяти.

– Запомни, Данила, старший военфельдшер, а не лепила, – шепотом произнес коренастый широкоплечий мужик средних лет в военно-морской форме, только без отличительных знаков, – Альберт Валерьянович устал, ему надо поспать, не шуми, пожалуйста.

– Ты, Броненосец, лучше сюда глянь, – Кривошапкин показал на набитую соломой подушку Шпильковского – из-под нее торчал сверток.

– Тихо! – сказал краснофлотец.

Он нагнулся над военфельдшером и засунул сверток дальше под подушку, чтобы со стороны не было видно.

– Надо было посмотреть, что в нем, – скривился Данила.

– Цыц, парень. Потом Валерьянович нам сам все расскажет. Что-то заработал, значит.

К краснофлотцу и Даниле Кривошапкину подошел человек. Про таких говорят – шкаф: квадратный торс, мощные бицепсы, пудовые кулаки. У него был злой, всегда недовольный взгляд исподлобья.

– Что там у вас? – пробасил он.

– Ничего, Никанор, – ответил краснофлотец.

– Э, ты, Бронислав, не вилай... Что с Валерьяновичем?

– Да что – спит, не видишь, что ли? – встрял Данила.

– А где он ночью был? – не переставал донимать Никанор.

– Кто его знает. Проснется, сам все расскажет. Не переживай.

В это время Шпильковский вдруг открыл глаза.

– Капитонов, – обратился он к Никанору, – ты можешь так не греметь? Дай поспать.

Военфельдшер засунул ладонь под подушку, почувствовал, что сверток на месте, перевернулся на бок. Но сон уже не шел, он сел на кровати, протер глаза.

* * *

Эти четверо хоть и попали в плен в разное время и из разных частей, решили в лагере держаться вместе. Правда, вначале сдружились только двое – краснофлотец Бронислав Вернидуб и Альберт Шпильковский. Помог случай. Военфельдшер еще в пересылочном лагере под Выборгом прочистил на ноге моряка гноящуюся рану, чем фактически спас тому жизнь, ну в лучшем случае его ногу – иначе могла вот-вот начаться гангрена. А затем случился неудачный побег, что еще больше сблизило здоровяка с буйным нравом и интеллигентного, худощавого тихоню – военврача.

Вернидуб в недавнем прошлом был капитаном тральщика. В одну из ночей во время шторма его корабль отогнало к финским берегам и бросило на скалы. Бронислав успел добраться до берега, пока тральщик не поглотила холодная вода – благо суша была совсем рядом. Однако, к глубокому сожалению Вернидуба, это была чужая суша – поэтому красный капитан не миновал плена. Еще он очень сожалел, что потерял свою капитанскую фуражку, пришлось подобрать чью-то бескозырку...

Старший военфельдшер Шпильковский попал в плен во время первого штурма линии Маннергейма. Из финского дзота беспрерывно строчил пулемет, трем красноармейцам дали приказ уничтожить вражескую огневую точку. Бойцы еще не успели доползти на расстояние броска и швырнуть гранаты, как их прошли очереди из хорошо замаскированного второго дзота, который ни бойцы, ни разведчики до этого момента не замечали. Два финских дзота были расположены таким образом, что из них можно было вести перекрестный огонь, тем самым защищая друг друга. Один красноармеец выжил и смог ползти к своим, но перед самыми передовыми позициями силы оставили его. Старший военфельдшер Альберт Шпильковский заметил раненого и вызвался помочь ему. Медик дополз до него и уже осматривал раны. Он разорвал на груди солдата гимнастерку, когда началась контратака финнов. Советского фельдшера не застрелили только из-за уважения к его профессии. Раненого красноармейца он спасти так и не смог, а вот нескольким финнам, повинуясь клятве Гиппократу, уже после боя, помог. Тщательно обработал раны одному, у второго вытащил пулю из предплечья. Правда, Шпильковский не любил вспоминать этот эпизод своей биографии. Один пленный красноармеец, явно из комиссаров, заметил, как военврач заботился о финских раненых, и выкрикнул:

– Врагов спасаешь, сволочь!

Этого пленного уволокли в кусты, затем раздались выстрелы, Шпильковский это не совсем ясно помнил, вернее, он совсем не хотел это помнить. Да, и кроме того, помогая фин-

ским солдатам, он в первую очередь спасал свою жизнь. Когда его вели под дулом автомата, он затылком чувствовал холодное дыхание смерти. Тогда ему было очень страшно. Он видел много чужих смертей, спокойно мог заходить в секционный зал морга – ведь он же врач, и причем неплохой, некогда он даже преподавал анатомию в университете... Но когда идешь под прицелом автомата и представляешь, что сейчас в любой момент в твоё тело войдет пуля, становится невыносимо жутко. Финские раненые, сами того не подозревая, психологически помогли Шпильковскому – его руки привычно делали свое дело, и эта работа всецело поглотила его. Затем Альберта Валерьяновича этапировали в глубь Финляндии и переправили на Аландские острова.

Позже к этой странной двойке – крепкому и задиристому капитану тральщика Брониславу Вернидубу и мягкому, интеллигентному, но физически слабому фельдшеру – присоединился старший лейтенант Никанор Капитонов. Он командовал взводом саперов. Их группа по заданию отправилась на разминирование минного поля. Так называемые «кукушки» – снайперы на деревьях – поджидали тех, кто отважится сделать проход войскам среди мин и заграждений, и основательно «проредили» взвод Капитонова. А оставшихся финские солдаты в белых масках, на лыжах, окружили.

– Хотел сам на мины броситься, – рассказывал Капитонов, – сами взорвемся и белофиннов на воздух пустим. Ведь сапер тоже летает... Один раз в своей жизни, – грубо шутил он. – Вообще-то саперов финны уважают. Ведь после войны кто будет разминировать все их леса? Конечно же, саперы. Так что мы можем им еще очень пригодиться. И своим я пригожусь. Саперы – это стальные нервы и холодная голова. Я по такому принципу и ребят себе подбирал. Они в mine, учебной, конечно же, ковыряются, а я им на ухо – «бабах»! Вот если руки не дернулись – молодец, годится. А что, всякое ведь может быть. Кто-то рядом ошибется – полетать соберется, так что же? Если дрогнешь, тоже взлетишь.

Никанор был прямолинеен, честен и вынослив.

Четвертым к этой компании присоединился младший лейтенант Данила Кривошапкин. Он был заместителем командира в разведгруппе. Сам старался попасть именно в войсковую разведку, чтобы воевать было интересно. Он не любил рутину – рыть, копать, тягать, таскать, а разведчик – это совсем другое дело. Надо уметь взять «языка», надо хорошо ориентироваться на местности. Кривошапкин был молод, горяч и нагловат. Как-то по секрету признался Альберту Валерьяновичу, что знает финский язык, потому что его папа – в прошлом судовой механик из Гельсингфорса, теперешнего Хельсинки. Поэтому именно в разведку и была ему прямая дорожка. Вот только карты, которые выдали разведгруппе, были составлены некорректно и не соответствовали действительности. И разведчики просто заблудились в лесу среди топей и болот. Их захватили в плен финские егеря.

Конечно, под внешней дружбой таких разных людей: интеллигентного фельдшера Альберта Шпильковского, резкого и ненавидящего классовых врагов моряка Бронислава Вернидуба, неотесанного солдафона Никанора Капитонова и заносчивого, грубоватого разведчика Данилы Кривошапкина – должно было быть что-то общее. И это общее у них было. Их цель – побег. Этих четверых мужчин невероятно тянуло домой. Их тяготило чувство несвободы, словно постоянно носишь тяжелый, сковывающий движения костюм, который не позволяет тебе шагнуть туда, куда ты хочешь, не дает вздохнуть полной грудью. По глазам, по обрывкам фраз, по какой-то злости и раздражительности в поведении они поняли, что у них на душе и в голове одно и то же желание – бежать.

В лагере все четверо находились около месяца, плюс-минус пару недель. Но эти дни тянулись для них невыносимо долго. Военфельдшеру снилась его клиника, улыбчивые медсестры. Альберт Валерьянович изучал кишечные заболевания, и ему было просто невыносимо оттого, что он попусту теряет время, а мог бы продолжать научные исследования. Когда Шпильковского призвали в действующие войска, он думал, что это ненадолго – Финляндия капитулирует

за неделю, максимум за две. 1939 год ему, впрочем, как и всем советским людям, казался годом великих побед Рабоче-Крестьянской Красной Армии. Ведь уже были разбиты японские части на реке Халкин-Гол, совершен марш-бросок до Бреста и воссоединены Украина и Беларусь, контингент войск СССР вошел в Литву, Латвию, Эстонию. Советский Союз заключил пакт о ненападении с фашистской Германией на целых десять лет, с автоматическим продлением на следующие пять, поэтому возможное начало большой войны откладывалось на неопределенный срок. И Финляндия оставалась один на один с огромным Советским Союзом. Что может сделать страна с 3,5 миллиона жителей против государства с численностью населения в 170 миллионов человек. Конечно же, долго продержаться финны не могли. Но война все же затягивалась, а желание совершить побег из лагеря у Шпильковского с каждым днем только усиливалось.

Но больше всех хотел бежать Бронислав Вернидуб. Под подкладкой бушлата он сохранил воззвание, которое раздавали политруки:

«Мы сражаемся за землю наших предков, за правительство рабочих и крестьян и за Сталина. Мы помогаем финскому национальному правительству добиться свободы и независимости. Солдаты, офицеры и служащие Красной Армии, ни при каких обстоятельствах не сдавайтесь в плен! Вперед, во имя Ленина и Сталина!»

– Вот видите, – говорил он. – Написано – ни при каких обстоятельствах не сдавайтесь в плен! Но мы же и не сдавались! Нас всех четверых, насколько мне известно, захватили в плен силой. И это совершенно меняет дело! Если мы не сбежим, то тогда выходит, что мы добровольно сдались. Нам необходимо доказать своим, что мы ни при каких обстоятельствах не желали находиться в плену. И не желаем сейчас. Мы просто вынуждены бежать! Мы еще повоюем против врагов!

С этими аргументами соглашался старший лейтенант Никанор Капитонов. Не попадать в плен – приказ самого товарища Сталина! И поэтому приказ надо выполнять при любых обстоятельствах.

Младший лейтенант Данила Кривошапкин чувствовал, что засиделся на одном месте. Его действенная натура требовала перемен. И еще парня увлекала сама романтика побега.

– Мы перехитрим всех этих чухонцев.

Четверка начала форсированно готовиться к побегу, делать запасы продуктов, спичек, курева. Выменивали теплые вещи на еду. Особенно отличились в этом деле Никанор Капитонов и Бронислав Вернидуб, они записывались на работу к «хозяевам», зарабатывали еду или вязанные вещи, а попутно осматривались на местности. Пару раз к «хозяевам» сходил и Данила Кривошапкин, но работать в коровнике ему не понравилось.

Главное, что после всех этих походов заговорщики уже неплохо знали местность.

Конечно же, военфельдшер Шпильковский был слабым звеном в их компании, но, как ни крути, доктор в рисковом предприятии был просто необходим.

4

От «буржуйки» из-за жара угля в темноте барака расходилось тусклое темно-красное сияние. Железная печка тихо гудела, чем навевала на узников сон. Дремал староста барака – лысоватый мужчина с густыми усами и бровями – Пантелей Пудовкин. Он недавно подложил новую порцию топлива и, хорошенько согревшись, посапывал. Со всех концов барака доносился храп. Вокруг «буржуйки» висели вещи военнопленных – шинели, рубахи, штаны, носки, разнообразная обувь стояла возле раскаленных камней, разложенных вокруг печки. Все эти вещи испускали несравнимый ни с чем запах – дух закрытого помещения, в котором постоянно находится большое количество мужчин. Раз в две недели по десять человек военнопленных выводили в баню, которую устраивали в тюрьме, расположенной в пристройке старинного замка, поэтому личную гигиену обитателей лагеря едва ли можно было считать хотя бы сносной.

Стояла глубокая январская ночь. За стенами барака завывал северный ветер, пришедший с моря. Людской храп, песни горящего угля, стон «буржуйки» и шум ветра заглушали от любопытного уха перешептывания нескольких человек, которым в это время совершенно не спалось.

– Охранники в такую погоду носа не высовывают из будки. Даже выстрелить поленятся – холод собачий, – говорил Бронислав. – Я по ночам не раз подходил к щели (так он называл узкое окно) и следил. Несут вахту безобразно. Я бы их под расстрел за такую службу...

– Тихо, – сморщился Кривошапкин. – Ты что, комиссар? Словами бросаешься, не думая...

– Я не комиссар, но в партию собирался вступать...

– Вы бы про коммунизм здесь не сильно распространялись, – посоветовал Альберт Валерьянович, – а то в одиночку запрут, как Стайнкукера.

– Эта сволочь вчера написала в своей стенгазете об окружении нашей дивизии, – пробурчал Капитонов и по памяти процитировал: «Майор Матти Аарнио взял в котел восемнадцатую стрелковую дивизию в Южном и Северном Леметти».

– Какой-то майор – целую дивизию! Брехня, – заявил Данила.

– Может, и брехня. Но всякое может быть, – задумался Капитонов.

– Заткнитесь, прошу по-хорошему, – грозно прошептал Бронислав, – уйдем, тогда и будем рассуждать...

– Я думаю, что охранники здесь такие беспечные, потому что чувствуют, что бежать-то нам некуда. Остров маленький. Наутро всегда можно организовать облаву. И местные с радостью помогут, – Шпильковский вернул разговор к предыдущей теме.

– Правильно мыслишь, Альберт Валерьянович, – проговорил краснофлотец, – поэтому нам, главное, незаметно добраться до причала. Там стоят рыбацкие мотоботы. Нам надо угнать один и уйти в море.

– Ну, ты умный, – сказал Кривошапкин, – море зимой замерзает.

– Ты, сухопутная крыса, если не знаешь, не встревай. В бухту регулярно приходит почтовое судно с земли, для него и для рыбаков, чтобы лов и снабжение рыбой войск не прекращались, лед специально колют. Курсирует ледакол, я это от местных узнал.

– И как ты это узнал? На каком языке? – язвительно поинтересовался Данила.

– На морском. Ты его все равно не знаешь.

– Нам бы продуктов побольше, – проговорил Капитонов, – из хлеба, что вы, Валерьяныч, получили за удаленный аппендикс, я сделал сухари, сало закопал в снегу, возле стены барака, подальше от сетки, за которой водят собак. В бараке держать не хотел. Еще есть мороженое

мясо, мороженная картошка, молотая перловка. Я прикинул, нам хватит дня на четыре, а если экономить, то больше недели протянем.

– А я настрелял папирос – уже тридцать пять штук, – похвалился Кривошапкин.

– Ты это, Данила, не сильно показывай, что собираешь курево, ведь сразу же понятно, если не выкуриваешь сразу, то для чего-то припасаешь.

– Насчет курева – молодец, – похвалил Кривошапкина Бронислав Вернидуб, – главная проблема – это как нам добраться до порта незамеченными. И не забывайте о пресной воде.

– А что, снега и льда мало? – спросил Капитонов.

– Если на мотоботе, который мы стырим, вдруг не окажется запасов воды, то мы «засохнем».

– А лед? – не унимался Данила. – Льдину разобьем и куски на борт затащим.

– Мы же пойдем дальше в открытое море, – объяснял Бронислав.

– Да ладно, наберем снега, – проговорил Никанор.

– А куда? – прищурился красный капитан.

– Ну, закинем за борт лодки, – предположил сапер.

– И будем потом с палубы хлебать? – съязвил Бронислав. – В общем, у меня есть резиновая грелка и резиновое ведро литров на пятнадцать. А чтобы выбраться незамеченными, нам надо добыть финскую форму, желательно теплую. Ну, и еще, конечно, взрывчатку.

– Это для чего? – удивился военфельдшер.

– Потом объясню, – махнул красный капитан.

– Я могу по памяти нарисовать карту Аландских островов, – задумался Шпильковский. – Я видел ее в смотровом кабинете. И по памяти могу нарисовать – у карты мира и анатомической карты человека есть что-то схожее. Я раньше практиковал мнемотехнику.

– Что? – спросил Капитонов.

– Специальные приемы запоминания.

– Это как? – поинтересовался Данила.

– Очень просто. Представляешь, что гуляешь по своему родному городу. Артерия напоминает одну улицу, вена – проспект. Ну и приходишь из пункта «а» в пункт «б» и запоминаешь, что видел по дороге. Причем все происходит без особых усилий.

– Что-то я не пойму, – признался Никанор.

– Ну ладно, каждый человек должен себе придумать свою мнемотехнику. Потом расскажу, если захотите.

– Да, а сейчас нам надо бы пораскинуть мозгами, где найти форму.

– Где, где? В хозблоке, конечно, – сказал Никанор. – В прачечной. Этот хмырь Хомутарь командует такими же хмырями, что за еду и папирсы стирают форму охранникам.

– Вот гад! – прошипел Кривошапкин.

– Гад не гад, но таким гадом будешь и ты! – сказал Бронислав.

– Ты что, Броненосец, совсем спятил? Думаешь, я чухонцам буду форму стирать? Не дождуться!

– Ну, во-первых, это шведы, а не финны, а во-вторых, для скорейшего осуществления нашего плана форма нужна позарез. Я думаю, ты и сам это прекрасно понимаешь.

– Тогда пускай Никанор и стирает форму.

– Ты, салага, будешь старшему по званию указывать! – Капитонов разозлился.

– Здесь нет никаких званий! – еще громче проговорил Данила.

– Перестаньте, – оборвал их спор Шпильковский.

В этот момент с верхнего яруса нар упало тело. Небольшого роста красноармеец тут же сел на полу, широко расставив ноги, и принялся тереть ушибленную спину.

– Фельдшер! – скрипучим голосом начал звать он, – фельдшер! У меня что-то со спиной!

Это был Силантий Хомутарь, бывший командир танка, а теперь, как и все здесь, военнопленный – «заведующий» прачечной, о котором только что говорили «заговорщики».

«Танкист» что было силы начал трясти нары Шпильковского.

– Фельдшер.

Альберт Валерьянович сделал вид, что только что проснулся.

– Что у тебя, Силантий?

– Спина, ааа, – застонал он, – больно.

Чтобы разобраться, военфельдшеру пришлось вставать.

От стонов Хомутаря проснулся староста барака. Разминая затекшие ноги, он подошел к месту падения Силантия.

– Что тут у вас такое?

– Да вот, во сне вертелся и упал, – спокойно объяснил Шпильковский.

– Я спиной грохнулся, ох, – стонал Хомутарь.

Шпильковский внимательно посмотрел на круглую физиономию командира танка, в его маленькие мышинные глазки и подумал: «Подслушивал он нас или нет? На самом деле упал случайно или все-таки пытался голову свесить, чтобы лучше слышно было?»

Но на лице Хомутаря что-либо прочесть было невозможно. Одно из двух – или он умел хорошо прятать свои мысли, или был совсем недалеким.

– Что приснилось, как финнам сообщаем, куда будет направлен удар танковой бригады? – громко сказал кто-то из военнопленных.

В бараке ходили неприятные разговоры, что Хомутарь в свое время сдал целую танковую колонну.

Его танк шел замыкающим, и на узком участке между двумя озерцами водитель не справился с управлением тяжелой машиной, и танк «ушел» в заболоченную жижу.

Колонна ушла, а Хомутарь и танкисты едва сумели выбраться из машины. И тут им снова не повезло. Их обнаружил разведотряд финнов. Из-под наставленных автоматов деваться танкистам было некуда.

Ну, Силантий Хомутарь и выложил все, что знал... И главное, Хомутарь рассказал, что вроде бы на него никто и не давил. Так, ляпал языком... Теперь же он все это отрицал. С утра бывший танкист бежал в свою прачечную, где с ним работала еще парочка «темных» и неприглядных личностей.

– Ушиб позвоночника и копчика. Неприятно, конечно, но ничего страшного в этом нет. Хорошо еще, что не головой ударился, – сказал после беглого осмотра военфельдшер.

Хомутарь медленно встал. Ростом он оказался ниже среднего, с кривыми ногами. Силантий попытался сначала нагнуться вперед, потом – назад, проверяя, действительно ли все так неплохо, и вдруг снова сильно застонал. Теперь проснулись военнопленные на соседних нарах.

– Хватит мне тут бардак разводить, – грозно сказал Хомутарю староста, – отбой.

Громко стелая, Силантий Хомутарь полез к себе наверх. На самом деле спина у него сильно болела, и взобраться на вторую полку никак не получалось. Тогда Пантелей Пудовкин толкнул его в бок, и Хомутарь перекинулся на свой ярус.

– И вам всем спать! – сказал староста, поправив усы. – Ложитесь, Альберт Валерьянович. До подъема можно еще хорошенько выспаться.

– Да, сейчас лягу. Только водички глотну.

– Может, вам кипяточку?

– Давайте, не откажусь.

Пантелей Пудовкин и Альберт Валерьянович подошли к «буржуйке». Староста налил из помятого чайника в металлическую кружку кипятку.

Шпильковский подул, попил.

– Спасибо, Пантелей, теперь пойду дальше сны досматривать.

- Что, небось Маруся снилась? – одними глазами улыбнулся Пантелей.
 - Она... Почему я тогда на ней не женился? – задумался Альберт Валерьянович.
 - Ничего. Вернетесь и сделаете предложение.
 - Да... А вот вернусь ли? – вздохнул военфельдшер.
 - Вернетесь, мы все вернемся. Война долгой не будет. Сами знаете. Спокойной ночи.
- Староста подкинул еще немного угля в «буржуйку», и она загудела более высоким тоном. Когда Шпильковский вернулся к своим нарам, он посмотрел на Хомутаря. Тот, казалось, уже спокойно спал.

Военфельдшер залез под свою теплую шинель – она служила ему вместо одеяла.

Тут же к нему шепотом обратился Бронислав, который лежал на нижнем ярусе соседних нар.

- Хомутарь все слышал. Он выдаст. Его надо убрать.
- Да вы что? – возмутился Альберт Валерьянович.
- Если сделать все чисто, никто и не догадается. Длинную иглу в сердце – и всё! Я уже

сделал из стальной проволоки...

– Бронислав, я хочу спать. И настаиваю на совершенно других, как это, способах улаживания конфликтов.

– Но ведь это предатель!

Внезапно окна осветились белым светом – по стенам проползли лучи прожекторов. С моря, заунывно завывая, дул ветер, а в полумраке барака надрывно гудела «буржуйка».

Бронислав накрыл голову соломенной подушкой.

5

В узкое окно барака ударялись острые, словно осколки стекла, крупинки снега. Вьюга разыгралась с утра. Укутавшись в шинели, военнопленные лежали на своих нарах и тихо переговаривались. В такую погоду, конечно, никто их на работу не позвал бы. И когда со скрипом открылись тяжелые двери, военнопленные приподняли головы. В барак, в длинных тулупах с поднятыми воротниками, в шапках-ушанках, обильно посыпанных снегом, зашли двое – комендант и рыжебородый охранник, вооруженный винтовкой.

Староста барака быстрым шагом подошел к начальнику.

– Шпилековаски, – сказал тот.

– Сейчас, – ответил Пантелей Пудовкин. Он подбежал к нарам, на которых дремал военфельдшер.

– Альберт Валерьянович, вас просят.

Шпильковский открыл глаза, посмотрел на стоящих возле порога коменданта и охранника:

– Ах, да. Иду.

Военфельдшер быстро оделся и подошел к выходу.

– Племянник ваш чувствует себя хорошо? – спросил он по-немецки.

Комендант догадался, о чем идет речь, и ответил:

– Я, гут.

Военфельдшер, комендант и охранник вышли на улицу, а староста плотно закрыл за ними дверь.

– Чё там? – спросил у него подошедший Хомутарь. – Снова Валерьянку к мальцу повели?

– Не твое собачье дело, – резко ответил староста.

Снег сыпнул Шпильковскому в лицо, руки на морозе сразу же озябли. Комендант заметил это, снял свои меховые рукавицы и отдал военфельдшеру.

– Руки у врача должны быть теплые, – сказал он на своем языке.

Шпильковский не стал отказываться – он знал, что сегодня ему предстоит снимать мальчику швы, и руки должны быть послушными.

Под присмотром часовых, что находились на башне замка, из бойниц которого торчал ствол пулемета, комендант, рыжебородый и военфельдшер прошли в пристройку.

По дороге в смотровой кабинет помощник коменданта позвал из камеры Стайнкукера. Переводчик не помешает.

– Ветеринара мы звать не стали – погода слишком плохая, – сказал комендант, – вы ведь сами справитесь?

Батальонный комиссар перевел.

– Да, справлюсь.

Мальчик лежал на железной кровати. Рядом с ним была его мама. И хотя она уже не рыдала от отчаяния, все равно очень переживала за сына.

– Готтфрид, поблагодари доктора, – сказала Ульрика. – Это он тебя спас.

Стайнкукер перевел.

– Спасибо, господин доктор, – сказал мальчик.

– Как ты себя чувствуешь? Живот не болит? – поинтересовался Альберт Валерьянович.

– Чувствую хорошо. Живот болит чуть-чуть.

– Ну-ка, покажи.

Шпильковский внимательно осмотрел рану. Рубец уже успел хорошо затянуться.

– Отлично, сейчас тебе придется немного потерпеть, будем снимать швы.

Альберт Валерьянович попросил подать из шкафчика пинцет и ножницы, склянку с йодной настойкой. Во время операции по удалению аппендицита Шпильковский наложил мальчику узловый шов, теперь же он аккуратно с одной стороны раны потянул пинцетом за нить так, чтобы из кожи появилась часть шва. Затем он разрезал нить близко к коже и медленно, очень осторожно вынул шов так, чтобы внешняя нить не проходила через ткани и не смогла занести инфекцию. Подобную процедуру Шпильковский проделал со всеми частями шва.

Готтфрид морщился от боли, но, как настоящий мужчина, терпел.

– Это еще не все. Сейчас будет щипать.

Военфельдшер набрал на ватку йодной настойки и смазал рану.

– А теперь надо наложить стерильную повязку, и потом вы будете уже сами ее менять. Это нужно будет делать каждый день. И еще один важный секрет. Правда, сейчас погода не такая, но все-таки я должен вас предупредить. На будущее – не открывайте шрам перед прямыми солнечными лучами. От ультрафиолета выступит пигмент, и шрам потемнеет на всю жизнь. А так останется беленьким, красивеньким. Понятно?

– Понятно, – почти хором сказали мать мальчика, сам Готтфрид и комендант, внимательно следивший за действиями военфельдшера.

Шпильковский наложил повязку.

– Ну что, можно сказать, практически здоров, – улыбнулся он Готтфриду.

– Вот когда я выйду в море за рыбой, тогда и буду здоровым, – серьезно ответил подросток.

– Молодец.

– Прошу ко мне в кабинет, – сказал комендант.

Воспользовавшись моментом, Шпильковский бросил взгляд на карту Аландских островов, чтобы перепроверить себя, хорошо ли запомнил. Он не заметил, что его взгляд перехватил комендант.

– Пройдемте ко мне. Нам надо поговорить, – сказал начальник лагеря.

Кроме самого коменданта и фельдшера, к нему в кабинет прошли рыжебородый офицер и Стайнкукер. На дубовом столе стояла бутылка шотландского виски, на тарелках лежала порезанная на большие куски норвежская селедка, хлеб, вареная картошка, лук, бутерброды из черного хлеба и нежного куриного паштета. Вокруг закуски стояли заранее приготовленные четыре рюмочки.

– Прошу вас, за здоровье моего племянника. Новость о вашей удачной операции облетела острова. Вам благодарность от меня лично и от председателя лагтинга Аландских островов.

– Спасибо большое, но это был мой долг, – с достоинством ответил Шпильковский.

– Вот вам премия нашего парламента, – комендант достал из кармана пачку финских марок. – Но пока что я, конечно же, их отдать вам не могу. Деньги пока полежат у меня в сейфе до вашего освобождения.

Комендант открыл ключом стальной сейф, положил в него купюры и закрыл.

– Ну, давайте, – кивнул он рыжебородому. Тот разлил по рюмкам виски.

– Я пью за вас, за ваше умение! – произнес тост комендант.

Мужчины выпили.

– Ты, – обратился комендант к Стайнкукеру, жуя бутерброд с куриным паштетом, – теперь можешь написать обо всем в газете. Пускай товарищи знают о герое. Я не давал такого приказа, пока Готтфрид не почувствовал себя лучше, я не хотел об этом распространяться, но теперь можно.

– Да не стоит, – скромно сказал Шпильковский.

– Наливай.

Рыжебородый снова наполнил рюмки и поднял свою:

– За наше здоровье, которое находится в надежных руках русского доктора.

– За вас!

Трое мужчин – два шведа, подданных Финляндии, и один бывший батальонный комиссар РККА – чокнулись со старшим военфельдшером Рабоче-Крестьянской Красной Армии.

Третья рюмка была выпита после универсального шведского тоста «ску-уль».

– На вашем месте после этой ужасной войны я остался бы у нас, на нашем острове. Видите ли, врача у нас нет, а люди стареют, им нужна медицинская помощь. Вы бы хорошо зарабатывали, правительство выделило бы вам жилье.

– Спасибо, здесь бы я был практикующим терапевтом, а вот у себя на родине я скорее ученый, чем врач, я провожу различные исследования.

– Смотрите, чтобы комиссары не отправили вас исследовать сибирскую тайгу, – комендант показал на Стайнкукера.

Тот глупо улыбался. Рыжебородый громко засмеялся.

– А попытка побега отсюда равносильна самоубийству. Зима, холод, до Советского Союза – несколько сотен километров, которые надо пройти по территориальным водам Финляндии, а еще в Ботническом заливе столько якорных мин, как фрикаделек в супе. Хотя вы и дружны с красным капитаном, но он же не Посейдон... А здесь у нас твердая земля под ногами, тепло, гарантированный кусок хлеба, одежда-обувь по сезону, компания друзей по несчастью...

– А кое-кто из них нам все о вас докладывает, – подмигнул рыжебородый.

– Но мы надеемся на ваше благоразумие, – серьезно сказал комендант.

Возникла напряженная пауза.

– Давайте лучше выпьем за Аландские острова, – вовремя нашелся Стайнкукер. У комиссара язык был подвешен не только перед строем солдат, но и за столом...

– Давайте, – согласился комендант.

Его помощник налил.

– За Аланды! – по-шведски сказал Стайнкукер.

– За Аланды! – хором повторили все остальные.

Перед уходом Шпильковский попытался вернуть коменданту его рукавицы.

– Не надо, берите себе. Это мой вам подарок.

– Спасибо, – поблагодарил военфельдшер.

* * *

Вечером того же дня Альберт Валерьянович прошептал Брониславу:

– Комендант подозревает, что мы с тобой готовим побег. Кто-то стучит.

– Я знаю, кто это, – решительно ответил краснофлотец.

6

Выходные для охраны лагеря начинались с полезных хлопот. Первая смена в субботу утром сдавала в прачечную грязное белье и форму, получала чистую или по необходимости – новую. Вторая смена делала то же самое в воскресенье. Стиркой в прачечной не ограничивались. Здесь же некоторые военнопленные занимались починкой одежды и ее дезинфекцией. Комендант строго следил за чистотой формы подчиненных и их личной гигиеной, потому как знал по опыту Первой мировой войны о страшной болезни – сыпном тифе, разносчиком которой были платяные вши. Добровольцы из числа заключенных лагеря внимательно осматривали вещи охранников, затем стирали, замачивали или кипятили майки, трусы, портянки, штаны, кители и даже бушлаты своих надзирателей. Тому, кто находил в одежде вошь или гниду, выдавали поощрение – папиросы или травяной чай, а вещи отдавались на термообработку или, если были очень изношены и заражены, просто сжигались.

Прачечная напоминала общую баню, совмещенную с кухней, – сводчатый зал, с полом, обложенным кафельной плиткой, несколько больших кранов с холодной и горячей водой, похожие на железные гробы корыта у стен, а в центре – плита, на которой в баках и ведрах кипятили белье.

В эту субботу у Силантия Хомутаря было очень много работы. Он склонился над корытом и двумя руками драил на стиральной доске финскую гимнастерку. В прачечной клубились густые облака теплого пара, из-за чего уже в двух метрах ничего не было видно.

– Эй, Харитоныч, – крикнул Силантий, – глянь-ка, закипела ль вода в зеленом баке?

– Да где там, – из бело-серого тумана раздался хриплый голос, – угля совсем нет, откуда жару-то взяться?

– Слышь, Харитоныч, бери два ведра и сходи на хоздвор. Попроси угля. Работать невозможно.

– Хорошо-с.

Харитоныч, сгорбленный мужик примерно сорока пяти лет, весь мокрый от пота и пара, вынырнул из серо-белой тучи с деревянным коромыслом на плечах, нацепил на него два пустых ведра и прошел возле Хомутаря.

– Э, ты чего, с другой стороны обойти не мог? – набросился на него Силантий.

– Да ты чего? – не понял мужик.

– Чего-чего, вертись перед носом с пустыми ведрами!

– Да брось ты, Силантыюшка, здесь же не твоя деревня. И я тебе не баба, – загоготал Харитоныч, показывая свои желтые зубы.

– Тьфу-тьфу-тьфу, – Хомутарь сплюнул три раза через левое плечо и постучал по дереву.

– Ладно, я пошел, – Харитоныч скрылся в клубах пара.

Через минуту скрипнула дверь, и в прачечной повеяло холодом.

Хомутарь нагнулся над корытом, но холодный сквозняк, дувший в спину, заставил его распрямиться.

– Макарий, посмотри там, кажись, этот раззява Харитоныч дверь за собой не закрыл! – крикнул он еще одному рабочему прачечной.

– Ладно, – послышалось с противоположной стороны зала.

В это время за спиной Хомутаря в облаке мелькнула тень, и, словно из пара, материализовалась темная фигура. Силантий инстинктивно почувствовал неладное, хотел было обернуться, но кто-то надел ему на голову оцинкованное ведро. И через мгновение Хомутарь вдруг оступился и с беззвучным стоном упал в корыто. Тихо плеснули мыльные волны.

Примерно через полчаса в прачечную вошел Харитоныч, неся на коромысле два ведра, полных угля.

– Эй, Силантий, я иду к тебе уже с полными ведрами... – загоготал мужик.
Однако Хомутарь не ответил.
Харитоныч подошел к корыту, где стирал Силантий, и в ужасе закричал:
– Господи, Макарий, быстрее сюда!

* * *

Спустя несколько минут в прачечную на крики рабочих вбежали рыжебородый – помощник коменданта, и двое солдат с автоматами. Харитоныч и Макарий уже самостоятельно вытащили Силантия из корыта и аккуратно положили на пол. Увидев бездыханное распластанное тело, рыжебородый послал одного из охранников за фельдшером, второго – за Стайнкукером. Им надо было расспросить рабочих, что они видели и слышали. Макарий дрожал, как осина, он понимал, что именно на него может пасть подозрение об убийстве. Это был долговязый, под два метра парень, очень худой, со впалыми глазами из-за постоянного голода. Он чувствовал, что из-за недоедания день ото дня слабеет, его большой организм требовал много калорий. А пайку все урезали и урезали, а военнопленных в Финляндию все прибывало, и их прокорм ложился дополнительным бременем на экономику малой страны. Ради дополнительного куса хлеба Макарий согласился работать в прачечной, а тут на тебе, такое дело – смерть начальника.

Первым в сопровождении солдата в прачечную быстрым шагом вошел Альберт Валерьянович. Он сразу же принялся осматривать Хомутаря. Задрал на нем мокрую одежду.

– Что с ним? – вместе со Стайнкукером пришел и комендант.

– Увы! Ему уже ничем нельзя помочь. У Силантия случился инфаркт миокарда, – сообщил Шпильковский. – А потом он упал в воду.

Комиссар перевел, произнеся «инфаркт миокарда» по-русски.

– Что это? – не понял рыжебородый.

– Разрыв сердца, – по-простому объяснил Альберт Валерьянович.

– Это что же, он чего-то испугался? – с подозрением глядя на рабочих, допытывался помощник коменданта.

Он, почесывая свою рыжую бороду, подошел вплотную к Макарию, снизу вверх с недоверием заглянул тому в глаза. На парня было жалко смотреть. Он стоял весь бледный и растерянный.

– Да ничего Силантий Хомутарь не испугался, – уверенно сказал Шпильковский. – Просто работа очень тяжелая. Человек весь мокрый. С жары, бывает, надо выходить на холод. Это ведет к простуде. Может, переносил ее на ногах. Кроме того, ему кошмары ночью снились. Несколько дней назад ночью он упал с верхнего яруса нар.

– Кошмары? – поднял брови комендант.

– Тревога и необъяснимый страх – первые признаки предынфарктного состояния. Условия работы здесь не ахти, и сами понимаете – неволя здоровью не помогает, – вздохнул Альберт Валерьянович.

– Да-да, я вот за углем сходил, потный, мокрый, – заговорил Харитоныч. – Чуть высохнешь – и на мороз. А потом опять в эту баню... Я уже тоже чувствую, что простываю.

– Подойдешь ко мне в бараке, – сказал ему военфельдшер.

– А что вы видели? – спросил у рабочих комендант.

– Я говорю, пришел с двумя полными ведрами угля, хочу их показать Силантию, глядь, а он... Присмотрелся – только ноги торчат из корыта. Потом смотрю, а его голова рядом с ведром в воде. И мыльные пузыри из носа...

– С каким ведром? – нахмурился комендант.

– Ну, с обыкновенным... Кажись, зачерпнуть воды ему надо было. Он нагнулся и упал.

– Такое вполне может быть – нагнулся, начал полное ведро поднимать, и сердце схватило, – сказал Стайнкукер.

– Так ты комиссар или доктор? – вмешался рыжебородый.

– Он все правильно говорит. Резкий наклон, подъем – происходит перепад давления. У вас никогда не было такого? Если вы резко в бане или в ванной встаете, у вас темнеет в глазах.

Рыжебородый задумался...

– Бывает, – ответил за него комендант. – А ты что видел? – обратился он к Макарию.

– Я-я... Н-ничего, – заикаясь, начал долговязый парень, – я там возле своей мойки стоял, – он показал рукой. – Везде пар... Черта лысого видать.

Последнюю фразу Стайнкукер, конечно же, перевел нейтрально – «ничего невозможно увидеть».

– Ладно. Поверим фельдшеру. Этого сегодня же похоронить, – приказал комендант своему рыжебородому помощнику. – А вы, господин Шпильковский, представите мне подробный отчет.

Коменданту смерть военнопленного от несчастного случая, если можно так выразиться, была более выгодна, чем преднамеренное убийство – не нужно было писать рапорт начальству. А то сразу бы прислали комиссию, началось бы расследование.

– И еще, – немного подумав, сказал комендант, – видите, какие здесь условия? Сами говорите – опасные для здоровья. Кроме того, меня беспокоит личная гигиена моих людей. А это все-таки относится к медицине. Прошу вас с сегодняшнего дня взять прачечную под свой контроль.

– Значит, как я понимаю, вы назначаете меня начальником этого заведения? – уточнил военфельдшер.

– Ну, еще бани и кухни. Будете у меня заместителем по санитарному надзору. Я давно думал об этом.

– Слишком хлопотно... – засомневался Альберт Валерьянович.

– Это приказ, – комендант дал понять, что может разговаривать резко.

– Слушаюсь, – подчинился военфельдшер.

– Приступайте сегодня же. Проверите здоровье этих людей. Как они стирают, в чем, ну и, конечно, качество их работы. Вместе с ними проверите одежду охраны, а затем и военнопленных на предмет паразитов, гнилости, грибков... Вам ясно?

– Ясно, – ответил Шпильковский.

– Йоханнес, чего ты стоишь? Похоронить. Живо, – повысил голос комендант на рыжебородого.

– Эй, вы, – крикнул тот на Харитоныча и Макария, – взяли и потащили.

– Нет! – приказал комендант. – Ты не видишь, люди мокрые и уставшие?

– Но не будут же наши солдаты копать яму для этого русского? – возмутился рыжебородый.

– А кто говорил, что это должны делать наши солдаты? Пошли их в лагерь, пусть возьмут четырех пленных, первых попавшихся. Кирки и лопаты возьмете у Олафа на хоздворе. Всё, вперед!

– Есть! – Йоханнес вытянулся в струнку, но в его глазах читалась нескрываемая злоба.

Стайнкукер стоял рядом и улыбался, наблюдая эту сцену. Она так напоминала ему его же армейские будни, которые, казалось, навсегда остались где-то далеко за холодным морем.

Его улыбку заметил комендант.

– Йоханнес, и этого заberi. Будет команды переводить и киркой помашет заодно, а то засиделся он в одиночке. От скуки заболит еще.

– Господин комендант, мне ж сводку с фронтов печатать надо, – Стайнкукер не любил физическую работу, а еще больше не желал встречаться с простыми красноармейцами, которые

во время службы в рядах РККА не были связаны с партийной работой. У каждого из них явно имелся зуб на политрука.

– Пошел, – сквозь зубы сказал ему рыжебородый.

Помощник коменданта, солдаты и Стайнкукер один за другим вышли из прачечной.

Комендант еще раз бросил взгляд на мертвого Хомутаря.

– Приступайте к своим обязанностям, господин Шпильковский, – сказал он и тоже покинул душное влажное помещение.

Слова коменданта военфельдшер понял и без переводчика.

* * *

На ужине, который состоял из травяного чая и куска серого хлеба, к Альберту Валерьяновичу подошел Бронислав.

– Ну, замаялись мы, – сказал он, беря свою порцию, – а здесь и поесть нечего. Хоть в наши закрома залезь, – последнюю фразу он произнес шепотом.

– Я тоже замаялся – инспектировал прачечную. Завтра займусь баней. Послезавтра – кухней. Юного разведчика я возьму к себе в помощники. Никанора буду подключать в крайних случаях, а тебя – нет, чтобы комендант и особенно его помощник ничего не заподозрили.

– О, хорошее известие, у нас есть доступ и к продуктам, и к одежде, – обрадовался краснофлотец.

– И даже к мылу, – к ним подошел Капитонов.

– А на хрен оно тебе? – спросил Бронислав.

– Ну как? Чтобы мыться...

– Я имею в виду, зачем его с собой брать?

– С собой и не надо, а вот выменивать на что-нибудь можно, – объяснил хозяйственный Капитонов.

– Ладно, ребята, пойду-ка я полежу немного, – сказал Альберт Валерьянович. – А то уж больно утомился.

– Я тоже, – краснофлотец допил чай и отдал кружку дежурному.

– А ты от чего так устал? – спросил военфельдшер у Бронислава, когда они остались один на один.

– Хоронили Хомутаря. Земля мерзлая, еле выдолбили яму.

– Сам сделал, самому и убрать пришлось, так?

Бронислав промолчал.

– Я против самосудов.

– Все знают, что он предатель. Из-за него столько людей погибло.

– Доказательств-то нет, – настаивал Шпильковский.

– Есть, – упрямо возразил Вернидуб, – с нами копал могилу тот самый комиссар, о котором ты, Альберт Валерьянович, говорил. Он рассказал, что видел дело Хомутаря, там все про него написано.

– Но ты же всего этого не знал.

– Знал. Сердце красного капитана не проведешь. – Бронислав ударил себя кулаком в грудь. – Да и Пудовкин мне рассказывал.

– Пудовкин тоже приврать горазд. Ему если человек не нравится, он всякого насочиняет. Ты лучше держался бы от него подальше, – посоветовал военфельдшер, – за место старосты он человека на тот свет отправит.

– А что мне с ним, детей крестить? – эмоционально отреагировал краснофлотец. – Я с ним стараюсь не сталкиваться. Просто его рассказ удивительным образом совпал с рассказом Стайнкукера.

– И про кого тот комиссар еще рассказывал? – поинтересовался Альберт Валерьянович.

– Да ни про кого. Так, зубы заговаривал, хитрый, сын израилев. Так и хотелось его киркой по горбу огреть и положить рядом с Хомутарем. Терпеть не могу комиссаров. Им бы только револьверами перед строем махать. Человек чуть ошибется, они уже политику шьют, дело раздувают вплоть до расстрела. Жалко, солдаты близко стояли.

– Ты, Бронислав, не пори горячку, а то сам нарвешься на неприятности. Вместо воли в карцере окажешься, и я тебя оттуда не вытяну.

– Да раздражает все, не могу уже, – тяжело вздохнул Бронислав. – Успокоительного бы. Спирту там или валерьянки, – уголками губ усмехнулся он.

– Валерьянки, говоришь... Издеваешься...

– Да нет, я серьезно, Валерьяныч. Завтра, если распогодится, пойдем с сапером записываться на работу. Он тоже ходит злой, как медведь-шатун. Хоть свободы чуть-чуть глотнем. А я море увижу. Уже целую неделю штормит, никого на работу не берут. С тоски тут издохнешь совсем.

– Надо держаться, – вздохнул Альберт Валерьянович.

Шпильковский в душе осуждал убийство Силантия, но для себя он решил списать это на очередной ужас войны.

Наступило время отбоя, и в бараке выключили свет. Кольцо тусклого света оставалось только вокруг «буржуйки». Те из военнопленных, которые не хотели спать, собрались вокруг печки, чтобы потравить байки. Но большинство заключенных лагеря побрели к своим нарам...

7

В воскресенье утром над островом заунывно бил колокол. Жители маленьких поселков и отдельно стоящих усадеб надевали праздничные костюмы и отправлялись в единственную лютеранскую кирху, сложенную из красного кирпича. Ее высокая башня с острым пиком, словно острие морского кортика, казалось, вот-вот вспорет брюхо нависающей над островом туче или проколет огненный шар солнца, если день выдавался погожим. Военнопленные красноармейцы, призванные в ряды РККА из центральных и восточных областей СССР, попавшие на работу к «хозяину», жившему недалеко от лютеранского храма, застывали в удивлении. Такой архитектуры, такой красоты собора и ухоженности прилегающей территории вокруг они никогда не видели. Церкви в России стояли заколоченные, обшарпанные. В монастырях, в лучшем случае, располагалась какая-нибудь артель или коммуна, в худшем – лагерь для уголовников и врагов народа.

А здесь среди местного населения наблюдалось почтительное отношение к вере, что внушало военнопленным уважение и даже восхищение. И это несмотря на то, что в армии политруки вещали, что религия служит только лишь для одурманивания народа. Некоторые заключенные лагеря на Аландах просили своих хозяев сводить их после работы в этот диковинный дом Бога. Кое-кто украдкой, как умел, молился. Ведь они были христиане, а Бог один.

В воскресенье на работу местные жители брали военнопленных крайне редко, только в экстренных случаях. Этот день они традиционно посвящали отдыху и своей семье.

Однако именно в это погожее воскресное утро командир отделения саперов Никанор Капитонов и капитан тральщика Бронислав Вернидуб ехали в санях с верхом, украшенных родовым гербом барона Нурденшёльда. Сани, запряженные тройкой соловых коней, мчались по живописной дороге, что бежала между холмами.

– Эх, словно на русской тройке катаемся, – вырвалось у Никанора, – только вот глянешь на этот пик и понимаешь сразу, что это не Россия.

– Отчего же, я в Ленинграде видел лютеранскую кирху, – спокойно сказал Бронислав.

Сани издали въехали на небольшой холм, и лютеранская кирха открылась их пассажирам во всей своей красе.

– У нас крестьяне, когда видели церковь, снимали шапки и крестились, – сказал Никанор.

– Может, и ты крест на себя наложишь? – ухмыльнулся краснофлотец.

– Если бы наша церковь стояла, перекрестился бы.

Управлял санной бричкой сам «хозяин». Статный человек лет тридцати пяти с синими глазами, ровным тонким носом и аккуратно подстриженными темно-русыми усами и острой бородкой. Мужчина сидел на козлах вместе со своей красавицей женой. У нее были темно-рыжие волосы, такие же, как у мужа, четко очерченные брови, зеленые глаза, вздернутый носик и алые пухлые губки. Одной рукой барон держал упряжь, а другой обнимал баронессу. Они были похожи на молодоженов, жадно смотрели вдаль, ловили свои мгновения счастья. Пушистый снег искрился на солнце, скрипел, морозный ветер развеивал гриву коней и выступающие из-под вязаной белой шапочки с помпоном волосы «хозяйки».

Этой ночью барон Нурденшёльд проснулся от дикого скрежета и страшного завывания ветра. Этот жуткий звук продолжался минут пять, а затем все резко утихло, и барон Нурденшёльд, обняв свою молодую жену, вновь сладко заснул. А наутро он обнаружил, что у одного из подсобных строений наполовину сорвана крыша. Барон был отпрыском древнего скандинавского рода и разводил элитных лошадей. Это было его хобби. Слава богу, ночной ураган не тронул конюшню, но в поврежденном строении держали корм для его питомцев. И если срочно не починить крышу, а погода вдруг переменится, пойдет мокрый снег или резко потеплеет и

пойдет дождь, то отборный овес может пропасть. А такие породистые скакуны, как у барона Нурденшёльда, не выдержат грубой пищи.

Как и каждое воскресенье, семейная пара чинно выехала в кирху. А после службы барон и баронесса повернули к лагерю для военнопленных.

* * *

Желающих поработать распределял староста барака Пантелей Пудовкин. Старший охранник писал на бумажках цифры – сколько человек надо в ту или иную бригаду и фамилию заказчика, а Пудовкин, в свою очередь, подбирал команду и выпроваживал работников за двери. Военнопленные отдавали свою бумагу старшему охраннику, а тот делал отметку в журнале. Под отметкой красноармейцы ставили свою подпись, подтверждая тем самым, что не совершат побег и вернутся к вечерней поверке в лагерь. Затем желающих работать отводили к поджидавшему их «хозяину». Поначалу ему давали в помощь вооруженного солдата, а потом ограничились только лишь ведением журнала. Заказчик обязывался привести военнопленных лично, чтобы на обратном пути у военнопленных не возникало желания забраться кому-нибудь в дом. А вообще убежать с острова было нелегко, да и куда? В неприветливое зимнее море?

Этим утром Никанор проснулся от звона колокола. А вот завывания ветра за стенами барака слышно не было.

«Черт, такая погода, а сегодня воскресенье, – подумал он, – опять придется сидеть в четырех стенах».

– Склянки бьют, – зевая, проговорил Бронислав и, словно угадав мысли товарища, сказал: – Нам куковать в четырех стенах.

– Я все-таки подойду к Пудовкину, а вдруг «купцы» приедут.

Он быстро встал и направился к «буржуйке», где староста готовился к утренней поверке.

– Пантелей, – сказал Никанор, – если позовут на работу, я первый.

– А с какого это хрена ты первый? У меня список со вчерашнего дня ведется.

– Пантелей, ты же меня знаешь, в долгу не останусь, – криво улыбнулся Капитонов.

– Все рассчитываются, – отмахнулся Пудовкин.

– Все да не все, – Никанор с еле скрываемым раздражением протянул ему пять папирос.

Пудовкин достал из кармана серебряный портсигар и положил в него папиросы.

– Ты будешь третьим по счету.

– Только третьим?

– А что ты хотел, за пять сигарет тебя впереди всех?

– Ладно, – угрюмо сказал Никанор. – На вот тебе. Поджаришь на завтрак.

Капитонов знал, что любил Пудовкин, и протянул ему завернутый в бумагу кусок хлеба с салом. Как же Никанору было тяжело отдавать ценные продукты, но он прекрасно знал, что у хорошего хозяина можно взять больше.

Староста развернул сверток и посмотрел, чем его пытается подкупить Капитонов. Глаза Пудовкина заблестели.

– Ладно. Так уж и быть. Ты первый.

– И если сегодня «купцов» не будет, то завтра я тоже первый, учти.

– Ага... Это ты учти – только если кто-нибудь не перекупит очередь.

– Если перекупит, то я... – со злостью начал было Капитонов.

– Что ты? – Пантелей грозно из-под своих мохнатых бровей глянул на Никанора.

– Ничего.

И тут в дверь вошли вооруженные солдаты. В бараке включили свет на полную мощность.

– Всем приготовиться к поверке! – гаркнул староста.

Военнопленные начали с шумом строиться.

После поверки дежурные принесли баки с эрзац-кофе и мешки с серым хлебом.

Альберт Валерьянович сразу же после завтрака отправился инспектировать кухню, и еще ему предстояло проконтролировать прием одежды у второй смены охраны. С собой он взял Кривошапкина. Тот не хотел идти, тогда пришлось вмешаться Брониславу.

– Ты совсем ошалел? У нас такой шанс раздобыть форму, а ты филонишь, – сквозь зубы прошептал ему прямо в ухо краснофлотец.

– А ты сам не можешь? – грубо ответил Данила.

– Он действительно не может, – вмешался Шпильковский.

– А сапер?

– Слушай, малец, – краснофлотец взял Кривошапкина за грудки, – если ты хочешь с нами, то будь добр выполнять то, что тебе говорят.

Данила почувствовал «железные» ручки красного капитана, увидел его дикий взгляд и почувствовал, что этот разъяренный человек способен на все.

– Ладно, пойду, – недовольно буркнул Кривошапкин.

Сгорбившись, он побрел вслед за Альбертом Валерьяновичем, а Бронислав громко сказал Никанору:

– Эй, сапер, перекинемся разок в «морские кости»?

Он достал из кармана вылепленные из хлебного мякиша пять кубиков и подкинул одной рукой.

– Давай. Все равно делать нечего.

Сапер, как обычно, проиграл моряку, и Никанор от досады покраснел, запыхтел.

– Итак, с тебя восемь папирос, – подвел итог Бронислав.

Тут дверь барака открылась, и охранник выкрикнул:

– Арбете!

– Арбайтен, арбайтен, – на немецкий манер зашушукались военнопленные.

Несколько человек сорвались с нар и побежали к двери.

Пантелей Пудовкин поправил свои роскошные усы и направился туда же степенным шагом.

– Хорош играть, мне пора. Кажись, сегодня мне подфартило, – Никанор встал и тяжелой походкой направился к дверям барака.

– Не везет в игре, повезет в работе, – поддел его краснофлотец.

Охранник протянул подошедшему старосте бумажку.

– Только одна? – загудели военнопленные.

– Только одна, – сказал староста, раскрыл ее. На ней было написано:

Baron Nordenskiöld

2

Snickare, takläggare.

И были нарисованы топор, молоток и крыша дома.

– Значит, так, – начал староста, – барону Нор-ден-ски-ёл-ду требуется.

– Я у этого барона работал! – выступил вперед коротко стриженный мужик, у него были заскорузлые темно-коричневые руки и лицо почти такого же цвета, может, чуть светлее.

– Не перебивай, – одернул его Пудовкин.

– Ему нужны конюхи, а я – кавалерист, – не унимался тот.

– Тихо! Молчи! – загалдели красноармейцы.

– Здесь нарисованы топор, молоток и какой-то треугольник... Кажись, крыша дома.

– Дай посмотреть, – из толпы вышел Никанор Капитонов.

Староста показал ему листок.

– Ему нужны кровельщики... Я согласен, – сказал сапер.

– Э, я тоже у себя в колхозе крышу крыл, – проговорил один из красноармейцев.

– Я тоже. И я еще со вчерашнего дня очередь забивал, – сказал другой, лысый широкоплечий мужик с бычьей шеей.

– Подожди, Кондратий... Всем на шаг назад! – рявкнул староста.

Красноармейцы нехотя отступили.

– К барону на работу пойдет, – Пудовкин сделал небольшую паузу. – Капитонов – раз...

– И Вернидуб – два, – добавил Никанор.

– Какой такой Вернидуб? – резко спросил староста.

– Мой товарищ. Мне с ним сподручней будет работать. На крыше все-таки.

– На крыше... – на секунду задумался староста. – Хорошо, вторым будет Вернидуб.

– Староста, ты это чего, – возмутился красноармеец, который еще со вчерашнего дня занимал очередь.

– Все, вопрос исчерпан. Вернидуб, иди сюда.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.